

УДК 1(091)

В.А. Ладов**ОБОЗНАЧАЕТ ЛИ СЛОВО «ОЩУЩЕНИЕ» ОЩУЩЕНИЕ?
(ОБСУЖДАЯ АРГУМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА
Л. ВИТГЕНШТЕЙНА)¹**

Обсуждается аргумент индивидуального языка, представленный в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна. Автор показывает, что та интерпретативная стратегия, в рамках которой аргумент индивидуального языка непосредственно связывается с проблемой следования правилу, как это происходит в дискуссиях 80-х годов XX в., не является единственно возможной. В опоре на поздние сочинения П. Хакера, в которых даны пошаговые аналитические комментарии к § 243–315 «Философских исследований», автор предлагает новую версию интерпретации данного аргумента.

Ключевые слова: индивидуальный язык, ощущение, значение, следование правилу, коммуникация.

Проблемная ситуация

В начале 80-х годов XX в. в аналитической философии появилась новая и оригинальная интерпретация «Философских исследований» Л. Витгенштейна [1]. Автором этой интерпретации стал американский логик С. Крипке. Его работа «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [2] стала настолько обсуждаемой в среде витгенштейноведов и витгенштейнцев, что впоследствии Витгенштейн, по меткому выражению Х. Патнема, превратился в Крипкенштейна [3. Р. 255]. Однако вопрос о том, насколько крипкевская интерпретация соответствовала реальному Витгенштейну, по-прежнему остается открытым. В данной статье мы обратимся только к одной из тем «Философских исследований» – аргументу против индивидуального языка – и попробуем критически оценить, является ли корректным то прочтение данного аргумента, которое предложил С. Крипке.

Крипкевская интерпретация аргумента

Оригинальность крипкевского видения аргумента индивидуального языка состояла в том, что он иначе, нежели большинство витгенштейноведов, прочел соответствующие параграфы «Философских исследований». Крипке считал, что суть аргумента содержится не в параграфах, следующих за § 243, которые по обыкновению считались посвященными аргументу индивидуального языка, а, напротив, в более ранних пассажах. Так, он предполагал, что в § 201–202, которые, с его точки зрения, вообще представляют собой квинтэссенцию главной темы «Философских исследований», уже представлен вывод относительно проблемы индивидуального языка. А пассажи, следующие за § 243, являются, скорее, только следствиями этих более фундаментальных положений. Вот как сам Крипке описывает эту ситуацию во введении к своей

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (10-06-00039-а), Совета по грантам Президента РФ (МД-1685.2010.6) и РГНФ (11-03-00039-а).

книге: «Общепринятый взгляд на “аргумент индивидуального языка” в Философских исследованиях предполагает, что он начинается с раздела 243 и продолжается в разделах, непосредственно следующих за ним. Согласно этой точке зрения данный аргумент имеет дело прежде всего с проблемой, касающейся “языка ощущений”. Дальнейшее обсуждение аргумента в рамках этой традиции, как в поддержку, так и с критикой, акцентирует внимание на следующих вопросах: Принимает ли данный аргумент форму принципа верификации? Оправдана ли эта форма? Применяется ли она корректно к языку ощущений? Основывается ли данный аргумент на чрезмерном скептицизме относительно памяти и т.д.? Некоторые решающие пассажи, следующие за § 243 – например, такие знаменитые разделы, как § 258 и 265, – в известной степени остались тёмными для комментаторов, и считалось, что их надлежащая интерпретация должна обеспечить ключ к “аргументу индивидуального языка”».

С моей точки зрения, действительный «аргумент индивидуального языка» нужно искать в разделах, предшествующих § 243. В самом деле, уже в § 202 вывод делается в явной форме: «Следовательно, невозможно подчиниться правилу “индивидуально”, иначе мысль о подчинении правилу была бы тем же, что и само подчинение». Я не думаю, что Витгенштейн здесь осознанно предвосхитил аргумент, который он должен был дать в деталях позднее. Напротив, все решающие размышления содержались в обсуждении, постепенно подготавливающим вывод, сделанный в § 202. Разделы, следующие за § 243, должны прочитываться в свете предшествующего обсуждения, ибо трудные в любом случае, они оказываются гораздо менее понятными, если прочитываются в изоляции. Применённый к ощущениям «аргумент индивидуального языка» является только специальным случаем более общих рассуждений о языке, заявленных ранее...» [2. С. 14–15].

На содержательном уровне оригинальность подобной интерпретации заключалась в том, что Крипке напрямую связал аргумент индивидуального языка с проблемой следования правилу, и из-за этого сам аргумент начал звучать по-иному. Он перестал быть лишь аргументом о языке индивидуальных субъективных ощущений. Именно так его рассматривали до Крипке, именно этот взгляд был представлен, к примеру, в дискуссии А. Айера и Р. Риса [4, 5]. Теперь же понятие индивидуального языка стало значительно шире. Референтами языковых выражений в данном случае теперь могли выступать не только ощущения, но и вещи внешнего мира, абстрактные сущности, события, короче говоря, вся совокупность предметностей, которая обычно соотносится с использованием языка. Главной спецификой новой интерпретации данного аргумента явилось то, что агент речи должен употреблять языковые выражения в качестве своеобразного Робинзона, изолированного от какой-либо связи с сообществом. И вот здесь в отношении индивидуального языка как раз и возникает та проблема, которая формулируется Крипке как проблема следования правилу. По сути, невозможность индивидуального языка для Крипке возникает из-за наличия проблемы следования правилу в той ее формулировке, которую он изложил в своей книге.

Суть проблемы, связанной с употреблением языковых выражений, у Крипке состоит в следующем. Сейчас, в данный момент употребления знака

«+» в выражении « $2 + 2$ », я оказываюсь в затруднении относительно того, какое значение приписать этому знаку. Казалось бы, значением «+» должен выступать плюс, арифметическая функция сложения. Но дело в том, что из-за конечности моего опыта познания я не имею в своем распоряжении, не созерцаю целиком всю функцию сразу. По этой причине логически допустимой оказывается следующая эпистемологическая коллизия. Возможно, в данном конкретном примере я употребляю «+» для обозначения иной функции, скажем, квас, которая отличается от плюса в области больших чисел, но здесь, по отношению к числу 2, она оказывается совершенно идентичной плюсу. Возникает радикальная двусмысленность. В данном частном применении знака «+» мое употребление этого выражения подпадает сразу, по крайней мере, под два правила, и нет ничего в опыте моего сознания, чтобы могло разрешить это затруднение.

Таким образом, употребляя слово, мы не фиксируем его значения. Самое большое, на что мы можем надеяться, – это ухватиться за созданную нами самими иллюзию стабильности, впечатление того, что мы все же понимаем, что имеем в виду, используя выражения языка. И вот эту иллюзию, по мысли Крипке, как раз и не способен продуцировать и поддерживать изолированный Робинзон, использующий язык индивидуально. Он, подобно буриданову ослу, постоянно будет находиться в ситуации радикальной неопределенности выбора между теми альтернативными правилами, которым он может следовать в своем словоупотреблении.

Единственной спасительной соломинкой, за которую может ухватиться агент речи, считает Крипке, выступает сообщество. Именно оно способно генерировать и поддерживать ту иллюзию относительной стабильности значений, которая столь необходима для успешного использования языка. Эта иллюзия стабильности порождается в субъекте за счет того, что он наблюдает одобрения своих словоупотреблений в реальной практике использования языка со стороны других участников коммуникации. Получая подобные одобрения, агент речи подкрепляет свою уверенность в корректности той интерпретации значений слов, которой он придерживается в данный момент. Так возникает впечатление стабильного и ясного употребления языковых выражений. Крипке понимает, что таким образом генерируются не сами значения, не сами правила, а лишь иллюзии значений, ибо за счет своей причастности к сообществу говорящих со мной на одном языке ни я, ни другие члены данной лингвистической группы не приобретают каким-то чудесным образом способность созерцать правило как определенную универсальную сущность целиком. Тем не менее постоянные перекрестные ссылки друг на друга среди членов сообщества делают свое нужное дело. Они вселяют уверенность в то, что агенты речи правы, корректны в своих лингвистических действиях. И эта, в буквальном смысле, языковая игра является единственным возможным выходом из создавшейся скептической ситуации, ибо данное условие – генерация иллюзии значения в коммуникации – оказывается необходимым и, главное, достаточным для успешного функционирования языка. Индивидуальный же язык оказывается в принципе невозможным именно по этой причине. В нем не выполняется данное условие функциони-

рования языка. В нем отсутствует даже иллюзия относительной стабильности значений слов. В нем царят полный хаос и неопределенность.

Взгляд из Оксфорда

Однако не все в последующие после выхода книги Крипке годы разделили выраженную в ней позицию. Так, авторитетные витгенштейноведы из Оксфорда – Г. Бейкер и П. Хакер – активно критиковали крипкевскую интерпретацию [6].

В противовес Крипке Г. Бейкер и П. Хакер утверждали, что Робинзон как лингвистический субъект, способный следовать правилам употребления выражений, вполне возможен. Во втором томе своего объемного «Аналитического комментария» к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна они обращают внимание на совершенно иной аспект практики следования правилу и успешного функционирования языка: «Понятие следования правилу здесь связано с понятием регулярности, а не с понятием сообщества следующих правилу...» [7. Р. 140], хотя и не акцентируют столь настойчиво свое противопоставление позиции сообщества. Но в работе, которая конкретно посвящена критике книги Крипке, тон замечаний оксфордских философов оказывается более однозначным: «Отметим, что в этом обсуждении ничто не говорит о каких-либо обязательствах относительно множественности агентов. Весь акцент – на регулярности, на множественности обстоятельств действия. Ключевым для понятия следования правилу является периодически повторяющееся действие в соответствующих контекстах, действие, которое расценивается как следование правилу» [6. С. 49–50].

По сути, позиция Бейкера и Хакера сводится к следующему. Для распознавания правил, для стабильного следования им, для успешного функционирования языка, значения выражений которого должны содержать в себе правила их употребления, вовсе необязательно наличие коммуникативного сообщества, достаточно лишь субъективной регулярности, повторяемости действий. Когда лингвистические действия Робинзона регулярны, когда он из раза в раз употребляет языковые выражения по отношению к одним и тем же предметам, фактам, событиям, когда такое употребление входит для него в привычку, тогда, считают оксфордские философы, у нас нет никаких оснований отказывать ему, во-первых, в определенной стабильности использования языка и, во-вторых, в том, что он понимает, в каком смысле употребляет слова, каким правилам следует. Собственная субъективная регулярность лингвистических действий будет дисциплинировать Робинзона, он окажется способным сверять свои нынешние употребления с предыдущими и выбирать в качестве правильных те, регулярность которых выше.

С критикой такой позиции выступил, в свою очередь, известный американский витгенштейновед, непосредственный ученик Витгенштейна Н. Малкольм. Он указал на то, что о Робинзоне можно говорить в разных смыслах, проведя различие между физически изолированным Робинзоном, который большую часть своей жизни провел в человеческом сообществе, но однажды либо по воле случая, либо в связи с неотвратимыми роковыми событиями оказался в одиночестве, и изначально изолированным Робинзоном, который все свою жизнь прожил вне коммуникации с другими людьми. Для краткости

обозначения мы будем называть этих двух мыслимых субъектов «Робинзон по несчастью» и «Робинзон по рождению».

Американский витгенштейновед считает, что Робинзон по несчастью, бесспорно, возможен. В дискуссии о возможности /невозможности индивидуального языка речь должна идти не об этом: «Большинство из нас следует правилам, когда мы находимся одни. Я вычисляю свой подоходный налог в одиночестве. Я пишу письма, читаю, думаю, когда я один. Я вырос в англоязычной среде и несу ее с собой, где бы я не был. Если бы я потерпел кораблекрушение, подобно Робинзону Крузо, на необитаемом острове, я бы мог припомнить (по крайней мере, на время) мое знание английского или арифметики. Это естественно для людей производить вычисления, следовать инструкциям, подготавливать планы в одиночестве. В этом смысле каждый из нас является “уединенным индивидом” достаточное количество времени. Конечно, каждый из нас потратил много лет на изучение речи, письма и вычислений. Мы выросли в сообществах носителей языка и тех, кто следует правилу. Философская проблема относительно “тех, кто следует правилу уединенно” должна состоять в вопросе, смог ли бы тот, кто вырос в полной изоляции от людей, создать язык для своих собственных нужд. Мог ли существовать Крузо, который (в отличие от Крузо Дефо) никогда бы не был членом человеческого общества и, тем не менее, который придумал бы язык для своей повседневной жизни? И признает ли Витгенштейн такую возможность?» [8. Р. 17]

Поскольку Малкольм находится в оппозиции Бейкеру и Хакеру по вопросу об индивидуальном языке, то вполне понятно, что он, во-первых, сам дает отрицательный ответ на эту, как он подчеркивает, философскую проблему, и, во-вторых, Малкольм считает, что и Витгенштейн также высказался против возможности существования прирожденного Робинзона. Общественное согласие для Малкольма является тем необходимым основообразующим фоном, на котором может возникнуть язык и практика следования правилу. Робинзон по рождению изначально лишен возможности быть вписанным в это коммуникативное сообщество, поэтому его предполагаемые попытки создать свой язык и следовать правилам самостоятельно обречены на провал ввиду отсутствия тех критериев, по которым он мог бы оценить корректность своих действий. Прирожденный Робинзон, по мысли Малкольма, не был бы способен провести различие между своей убежденностью в следовании правилу и действительным следованием, различие, на важность которого указывал Витгенштейн в § 202 «Философских исследований»: «Стало быть, “следование правилу” – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» [1. С. 163].

В ответ на критические замечания Н. Малкольма Г. Бейкер и П. Хакер предлагают нам более тщательно рассмотреть концепт Робинзона по рождению. Оказывается, одиночество такого Робинзона тоже может быть случайным. Причем речь не должна идти о том, что он при определенных обстоятельствах может вступить в коммуникацию с другими, достаточно лишь того, что, когда мы извне обратим внимание на его субъективные действия, мы будем способны, при надлежащей продолжительности наших наблюдений,

зафиксировать регулярности в его индивидуальных лингвистических практиках. И это с точки зрения Бейкера и Хакера уже показывает неиндивидуальный характер такого языка: «Очевидно, мыслимо, утверждал Витгенштейн, чтобы каждый субъект говорил только с самим собой, чтобы он знакомился только с теми языковыми играми, в которые играет сам (задавая самому себе нормы или убеждения, ставя перед собой вопросы и т.д.), и даже чтобы язык этих людей имел очень большой словарь. Исследователь, который бы изучал этих монологовистов, мог бы понять выражаемые ими мысли и преуспеть в вероятном переводе на свой собственный язык посредством наблюдения за тем, как их действия соотносятся с их артикулированной речью. Изучая их язык, он мог бы приобрести способность предсказывать то, что они могли бы сделать, в той мере, в какой то, что они говорят, включает в себя прогнозирование или решения» [7. Р. 175–176]. Такого Робинзона можно назвать эмпирически случайным. С рождения он жил в изоляции и использовал язык только индивидуально. Однако данный характер его лингвистической деятельности все равно не является необходимым. И обнаруживается это не только и не столько в том, что он может вступить в диалог с другими, а лишь в том, что другие могут подсмотреть, как он использует свой язык, и признать такое использование вразумительным.

Основными понятиями, с помощью которых Бейкер и Хакер пытаются зафиксировать специфику своей позиции, являются понятия совместного (shared) и совместимого (shareable) языков. Язык необязательно должен быть совместным, т.е. выработанным в процессе реальной коммуникации между субъектами. Причем язык Робинзона по несчастью, конечно же, не становится несовместным только потому, что он вдруг, по воле случая, оказывается один. Несовместный язык – это язык прирожденного Робинзона. И он, по мнению оксфордских философов, бесспорно, возможен. Однако всякий язык должен быть совместимым. Нельзя представить существование несовместимого языка. «...разногласие между Малкольмом и нами возникает... по поводу того, действительно ли практика, которая учреждает основание или предпосылку существования правила, должна быть совместной, общественной практикой или же она может быть несовместной (но совместимой)» [9. Р. 313].

Совместимость означает то, что имеется логическая возможность понять такой язык. Эта возможность может так никогда и не быть реализована. Можно представить, что прирожденный островитянин так и проживет всю жизнь в одиночестве. Можно допустить даже и то, что он все же будет обнаружен, его действия и лингвистическая практика, которой он обладает, будут подвергнуты наблюдению и что наблюдающие так ничего и не поймут из его языка в силу ограниченности времени или средств наблюдения. Опыт познания значений совместимого языка может окончиться неудачей, но должна быть мыслима небесполезность самой затеи такого познания. Логическая возможность познания совместимого языка заключается в том, что, если мы, гипотетически, будем бесконечно долго наблюдать за агентом речи, то все же сможем распознать те регулярности в его лингвистической практике, которые он генерирует: «...обладание понятием, следование правилу, овладение языком предполагает не то, что все это должно быть совместным с другими

людьми, но, скорее, что это может быть совместимым, что другим есть смысл понимать, соглашаться по поводу того, что расценивать как осуществление того же самого в отношении правила, как следование правилу тем же самым образом» [9. Р. 314].

Бейкер и Хакер подчеркивают, что проблема не в различии Робинзона по несчастью и Робинзона по рождению, как думал Малкольм, а в том, чтобы зафиксировать тонкости в позиции прирожденного Крузо: «...контраст, рассматриваемый Витгенштейном, состоит не между совместным языком, который также может быть использован в одиночестве, и несовместным языком, но между совместимым языком и мнимым языком, который не может быть в принципе понят любым другим человеком» [9. Р. 318].

Логически необходимый Робинзон не тождествен прирожденному Робинзону. Последний мог бы вполне успешно использовать свой собственный язык, ни разу так и не столкнувшись с братьями по разуму за всю свою жизнь. И тем не менее он все равно являлся бы эмпирически случайным Робинзоном, ибо мыслимо, что если бы его лингвистическая практика стала предметом наблюдения, то в ней удалось бы распознать регулярности, формирующие правила. Логически необходимый Робинзон должен был бы использовать абсолютно индивидуальный язык. При сколь угодно длительном наблюдении за его лингвистическими действиями мы никогда не смогли бы распознать в них никаких регулярностей. Но это означает лишь то, что никаких регулярностей в нем, по сути, нет. Бейкер и Хакер, как можно предположить на основании хода их рассуждений, утверждают необходимый характер следствия: если регулярности в языке есть, то они могут быть обнаружены. Соответственно, по *modus tollens* можно заключить: если регулярности в принципе обнаружить невозможно, следовательно, их в языке нет. Но если в лингвистической практике отсутствуют какие-либо регулярности употребления знаков, то это, в свою очередь, означает то, что и языка как такового нет. Имеет место лишь хаотическое нагромождение фонем, не подчиняющееся никаким закономерностям. Представляется, что именно поэтому Бейкер и Хакер называют такой язык мнимым. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это звуковое нагромождение только напоминало бы язык, но таковым бы не являлось. Логически необходимый Робинзон не в состоянии говорить, ибо абсолютно индивидуальный, несовместимый язык невозможен.

Почему Витгенштейн говорит о языке ощущений?

Несмотря на столь мощный критический заряд, который содержится в исследованиях оксфордских витгенштейноведов по отношению к позиции Крипке и его последователей, обращает на себя внимание то, что в определенных принципиальных моментах интерпретации противоборствующих сторон схожи. Так, исходя из представленной выше аргументации Бейкера и Хакера, можно заключить, что они не против расширения референциального поля предполагаемого индивидуального языка. Бейкер и Хакер, как и Крипке, должны были признать, что Робинзон может говорить о чем угодно, например о вещах внешнего мира. Они были недовольны лишь тем, что Крипке необходимым условием функционирования языка посчитал его актуальное осуществление в интересубъективной лингвистической практике. В противо-

вес этому они заявляли, что язык изолированного даже от рождения Робинзона все равно возможен. Наиболее принципиальный момент в рассуждении возникал при введении условия, что если в отношениях между языковыми выражениями и их референтами не будет никакой, даже лишь потенциально обнаруживаемой регулярности, то такой язык нужно будет расценить как логически необходимый, а значит, в понимании Бейкера и Хакера, – мнимый, индивидуальный язык.

Но все же как быть с тем, что в § 243 «Философских исследований» Витгенштейн, что называется, черным по белому ставит вопрос именно о языке ощущений? Витгенштейн трактует индивидуальный язык именно таким образом, и именно относительно такого языка возникает вопрос о его возможности: «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания – свои чувства, настроения и т.д.?» [1. С. 171]. Возникает подозрение, что Крипке в своей интерпретации оказывается слишком груб, проводя масштабную связь аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и полностью погружая содержание § 243 в контекст § 201–202. И как оказывается, масштабная дискуссия между последователями Крипке и оксфордскими витгенштейноведами, основные моменты которой были представлены выше, нисколько не проясняет ситуацию. На основании позиции Крипке мы не можем ответить на вопрос, почему индивидуальным Витгенштейн называет только тот язык, референтами которого выступают внутренние переживания. На основании же позиции Бейкера и Хакера мы вообще не можем сказать, почему язык ощущений следует расценивать как логически необходимый индивидуальный язык. Поясним последний тезис.

Когда Бейкер и Хакер называют индивидуальный язык мнимым, т.е. говорят, что, по сути, это уже и не язык, что на уровне логической индивидуальности язык просто исчезает, то их рассуждение выглядит корректным. Однако все снова становится не столь прозрачным, когда мы коснемся вопроса о языке ощущений. Дело в том, что регулярности языка ощущений невозможно презентировать в интересубъективной коммуникации не потому, что они как таковые отсутствуют, а лишь потому, что абсолютно непрозрачными оказываются те предметы, на которые знаки данного языка должны указывать. Реципиент речи не способен проникнуть в сознание говорящего, не способен за него испытать те ощущения, которые агент речи пытается описать. Но если сам говорящий может отдать себе отчет в том, что он испытывает в тот или иной момент своей внутренней психической жизни, то становится не совсем понятным утверждение Бейкера и Хакера (а они такое утверждение в самом деле делают [9. Р. 322–323]), что такой субъект не будет способным продуцировать регулярности. Исходя из их предшествующих рассуждений, вполне можно было бы сказать, что такому субъекту ничто бы не мешало продуцировать регулярности в действиях означивания ощущений, ибо для этого ему вовсе необязательно было бы актуальное присутствие и корректировка со стороны социальной группы. Невозможность же рассказать другим об этих регулярностях в данном случае, как представляется, все же не имеет логического характера. Скорее, она основана лишь на том эмпирическом обстоятельстве, что устройство познавательного аппарата реципи-

ента речи таково, что он не способен зафиксировать предметы означивания, к которым обращается говорящий. Но из этого логически не следует, что таких предметов нет, как и не следует, что нет регулярностей, касающихся появления и фиксации этих предметов. Нет ничего логически невозможного в допущении такого познавательного аппарата, например божественного, который был бы способен фиксировать ощущения, относящиеся к внутреннему миру человека.

Принцип внутренней связи между наличием регулярности и возможностью ее демонстрации, который читался в ходе рассуждений оксфордских философов, можно сформулировать еще в более общем виде: логическая невозможность демонстрации чего бы то ни было возникала бы только тогда, когда этого нечто, что мы собираемся демонстрировать, на самом деле нет, в любом ином случае невозможность демонстрации была бы лишь эмпирической, а не логической. Регулярности мнимого языка невозможно показать другим, потому что их нет, потому что язык лишь мнится, на самом деле его нет. Но регулярности языка ощущений невозможно показать по иной причине, и потому нет оснований считать такой язык мнимым.

Если считать, что субъект не способен фиксировать регулярности появления своих ощущений и задавать регулярности их означивания, то в таком случае нужно признать, что данный агент речи нуждается в других субъектах, чтобы генерировать эти регулярности. Но ведь это означало бы не что иное, как принятие позиции Малкольма, который утверждал, что говорящему, чтобы не потеряться в своем лингвистическом опыте, необходимы актуальная оценка и корректировка его действий со стороны сообщества. Очевидно, что Бейкер и Хакер утверждали обратное: субъект способен самостоятельно генерировать регулярности. И если эти регулярности действительно имеют место, то их в принципе могут распознать другие. Распознать регулярности языка ощущений в принципе возможно. Утверждать обратное – значит помещать себя в сферу эмпирически случайного. Утверждать невозможность языка ощущений лишь на том случайном эмпирическом основании, что люди не способны проникать во внутренние психические миры друг друга, – то же самое, что и утверждать невозможность языка прирожденного Робинзона только лишь на том случайном эмпирическом основании, что этот субъект за всю свою жизнь так и не повстречался с другими носителями языка. В ходе своих рассуждений оксфордские философы настойчиво склоняли нас к выходу на чисто логический, а не эмпирический уровень размышления, но в итоге сами попали в ту западню, от которой предостерегали.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ни оригинальная интерпретативная стратегия С. Крикке, ни стратегия его оппонентов из Оксфорда, не позволяют ответить на поставленный в данном пункте нашей статьи вопрос: Почему Витгенштейн называет индивидуальным языком именно язык ощущений? Кажется, что Бейкер и Хакер были более чутки к тексту «Философских исследований», поскольку, в отличие от Крикке, многократно обращали внимание на этот важный аспект мысли Витгенштейна, но та аргументация, которую они в итоге выстроили в своей полемике с Крикке, так и не дает удовлетворительного ответа. Бейкер и Хакер утверждали, что язык ощущений дейст-

вительно является логически необходимым индивидуальным языком, однако их аргументы были недостаточны для обоснования данного тезиса.

Аргумент индивидуального языка и проблема следования правилу

Спор между С. Крипке и оксфордскими витгенштейноведами развернулся вокруг того, что считать достаточным условием возможности следования правилу употребления языковых выражений. Крипке считал, что таковым условием выступает согласие сообщества (и потому индивидуальный язык изолированного Робинзона невозможен), Бейкер и Хакер полагали, что для следования правилу достаточно лишь субъективной регулярности (и потому невозможен только логически необходимый, мнимый индивидуальный язык). Однако в основании данной дискуссии находится общее убеждение, которое, как это видно, оппоненты разделяют. Они напрямую связывают вопрос об индивидуальном языке с проблемой следования правилу. Основания словоупотребления в соответствии с правилами трактуются по-разному, но индивидуальный язык не возможен как раз из-за того, что в нем исчезает правилосообразная деятельность – это есть важнейший пункт в рассуждении, относительно которого оппоненты обнаруживают согласие. Как мы уже выяснили, данный ход мысли не дает возможности ответить на вопрос, почему Витгенштейн называет индивидуальным языком именно язык ощущений. Соответственно, чтобы попытаться представить удовлетворительный ответ на поставленный вопрос, было бы уместным отказаться от того основания, на котором выстраивалась интерпретация, не приведшая к успеху. Это мы и предлагаем сделать. Попробуем рассмотреть § 243 и следующие за ним автономно, без отношения к § 201. Попытаемся обсудить аргумент индивидуального языка без непосредственной связи с проблемой следования правилу.

Если ориентироваться на содержание «Философских исследований», то сложно было бы поспорить с тем утверждением, что целью функционирования обыденного языка является коммуникация в сообществе, поддерживающая взаимодействие субъектов в процессе совместной деятельности. Если это так, то язык в принципе должен быть публичным. Цель агента речи – некоторое сообщение, послание реципиенту. Чтобы эта цель была достижимой и послание успешным, значениями языковых выражений должно выступать то, что в принципе может быть передано другому, значения должны быть intersubъективны. Конечно, вполне возможно, что это требование будет выполняться только потенциально. Вполне мыслим изолированный Робинзон, разговаривающий сам с собой. Однако в таком случае он будет обращаться к некоторому воображаемому собеседнику в качестве реципиента его речевых актов, и должно быть мыслимо, чтобы этот предполагаемый собеседник Робинзона понимал. Это значит, что языковые выражения Робинзона должны быть потенциально открытыми, должна существовать возможность, чтобы их значения были восприняты иными людьми. Если бы языковые выражения имели абсолютно непрозрачные значения, то языковая деятельность просто лишалась бы смысла, ибо язык переставал бы выполнять свою главную функцию – обеспечение коммуникации.

Далее, если субъективные ощущения являются абсолютно непрозрачными, а это так, по крайней мере, по отношению к возможностям познаватель-

ного аппарата людей, то язык, значениями выражений которого были бы эти ощущения, не имел бы смысла. Индивидуальный язык невозможен не потому, что использующий его агент речи натолкнулся бы на непреодолимые преграды при продуцировании языковых выражений (как это понималось при связи аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу), а лишь в силу того простого обстоятельства, что это продуцирование было бы бессмысленно. Индивидуальный язык – это мнимый язык, но не потому, что в нем отсутствует какая-либо регулярность в правилах употребления языковых выражений, а потому, что он не выполняет главную функцию языка, он не обеспечивает интересубъективную коммуникацию. Не существует языка ощущений, ибо ощущение в качестве значения языкового выражения не транслируемо, а цель языка – трансляция значений.

Если отказаться от прямой корреляции аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и принять в качестве предпосылки лишь крайне простое и, как кажется, очевидное утверждение, что для позднего Витгенштейна язык – это социальное явление, что языковая деятельность – это публичная деятельность, то у нас появляется возможность удовлетворительной интерпретации сразу двух важнейших аспектов темы индивидуального языка. Мы объясняем, почему индивидуальным языком Витгенштейн называет именно язык ощущений и почему он считает, что такой язык невозможен.

Что на самом деле обозначают слова, которые должны обозначать ощущения?

Приведенная выше интерпретация, по крайней мере в качестве одного из возможных взглядов на позднего Витгенштейна, могла бы нас удовлетворить, если бы не одно «но». Как объяснить тот очевидный эмпирический факт, что мы широко используем в нашем обыденном языке выражения, обозначающие внутренние переживания, эмоции, ощущения? Если язык обязан быть потенциально публичным и если субъективные переживания принципиально не публичны, то как они могут быть значениями языковых выражений? Эти выражения, исходя из предложенной интерпретации, не могут нести никакого смысла, их продуцирование совершенно бесполезно. Зачем в таком случае мы используем их в нашей речи?

В параграфах, следующих за § 243, Витгенштейн, как это можно заметить, прилагает усилия к тому, чтобы показать, что язык ощущений является таковым только по видимости. Нам кажется, что мы имеем слова, обозначающие ощущения, но на деле более тщательный анализ показывает, что это не так. В этом можно усмотреть типичный для позднего Витгенштейна методический ход – своеобразная терапия, освобождение путем тонкой аналитической работы от тех пут и ловушек, в которые нас вовлекает столь сложная и многогранная стихия языка.

Что имеет в виду ребенок, когда научается произносить фразу «Мне больно»? Сделать значением данного выражения свое болевое ощущение он не может, ибо оно абсолютно субъективно, а язык обязательно должен предполагать возможность интересубъективной коммуникации. И все же это выражение осмысленно. Ребенок обучается родителями с помощью фраз, по-

добных этой, обращать внимание других не на свое ощущение, а на свое поведение, связанное с болевым ощущением. Если ощущение абсолютно субъективно, то болевое поведение уже, так сказать, выставлено вовне, оно оказывается доступным для фиксации другими субъектами и, таким образом, оно уже может стать значением языкового выражения. Фраза «Мне больно» в устах ребенка должна вызвать отклик у других на демонстрируемое болевое поведение. Ребенок ждет помощи или хотя бы сочувствия. Причем сочувствие может быть вызвано именно благодаря тому, что взрослый способен заметить в интерсубъективной среде по поведению ребенка, что он имеет определенное ощущение. Когда ребенок произносит, обращаясь к родителю, «Мне больно», он подразумевает: посмотри, как я себя веду, я показываю, что имею ощущение.

Языком ощущений может быть не только членораздельный язык слов и выражений. Это может быть, например, стон, гримаса. Гримаса боли, выраженная произвольно, допустим, в результате болевого шока, языком еще не является. Но если она выражена намеренно, то она имеет целью некоторое послание другим субъектам в сфере интерсубъективной коммуникации. Ее значением выступает болевое поведение. Своим поведением субъект показывает вовне, что имеет остро неприятное ощущение. Болевое поведение – это ощущение, вывернутое наизнанку, вовне, чтобы его заметили другие.

В § 261 Витгенштейн радикализирует описанный выше ход рассуждения, подтверждая, как кажется, наши соображения: «Какое у нас основание называть “О” знаком какого-то ощущения? Ведь “ощущение” – слово нашего общепринятого, а не лишь мне одному понятного языка. Употребление этого слова нуждается в обосновании, понятном всем. Не спасало бы положения и такое высказывание: с человеком, записавшим “О”, что-то происходило, пусть это и не было ощущением – больше этого ведь и не скажешь. Дело в том, что слова “происходить” и “что-то” тоже принадлежат общепринятому языку. – Итак, в ходе философствования рано или поздно наступает момент, когда уже хочется издать лишь некий нечленораздельный звук...» [1. С. 175].

Оказывается, предложение: «Язык ощущений не имеет в качестве референтов ощущения» тоже является не совсем корректным. Дело в том, что ощущения, которые мы переживаем в субъективности, вообще не описываются словом «ощущение». Они в прямом смысле немые, они не могут стать значениями каких-либо языковых выражений, ибо язык должен предполагать публичность. Если слово «ощущение» нашего общего языка осмыслено, если оно имеет значение, то его значением не выступает ощущение. Скорее, его значением выступает, опять же, поведение, представляющее вовне то, что с нами происходит внутри. Витгенштейн показывает, что о том, что с нами происходит внутри, мы никогда не говорили, и не пытались говорить. Используя такие видовые слова для ощущений, как «боль», «страх» и т.д., и такое родовое слово, как «ощущение», мы никогда не обозначали ощущений. Мы никогда не обозначали того, что обозначить невозможно. Слово «ощущение» всегда обозначало лишь поведение.

Между прочим, на эти тонкие моменты в рассуждениях, представленных в «Философских исследованиях», обращает наше внимание все тот же П. Хайкер, который уже после смерти своего друга и неизменного соавтора –

Г. Бейкера – продолжил публикацию скрупулезных пошаговых комментариев к главному сочинению позднего Витгенштейна: «§ 261 представляет решающее соображение: остенсивное определение, например “красный”, предполагает грамматику дефиниендума, а именно то, что это – слово для цвета. Отсюда “индивидуальное” остенсивное определение “боли” должно предполагать, что оно является именем ощущения. Но “ощущение” есть слово нашего общего (публичного) языка...» [10. Р. 5].

Подобные пассажи лишний раз указывают на заслуживающую высокой оценки проницательность и аккуратность этого оксфордского философа в интерпретации «Философских исследований». Ему, по сути, удалось увидеть аргумент индивидуального языка совершенно с иной стороны, не так, как это сделал Крипке, не так, как это делал он сам ранее в соавторстве с Г. Бейкером, ввязавшись в спор с приверженцами крипкевской трактовки аргумента. Может быть, аргумент индивидуального языка вообще не стоит напрямую связывать с проблемой следования правилу. Его можно рассмотреть автономно, представив иную, отличную от наиболее распространенных версий, стратегию обоснования того, почему индивидуальный язык невозможен.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–319.
2. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.
3. *Putnam H.* On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // *Proceedings of Aristotelian Society*. 1996. Supp. Vol. 70. P. 243–264.
4. *Ayer A.J.* Can there be a Private Language? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954. Vol. 28. P. 63–76.
5. *Rhees R.* Can there be a Private Language? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954. Vol. 28. P. 77–94.
6. *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008.
7. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Vol. 2 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Oxford: Blackwell, 1985.
8. *Malcolm N.* Wittgenstein on Language and Rules // *Philosophy*. 1989. № 64. P. 5–28.
9. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Malcolm on Language and Rules // *Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 310–323.
10. *Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Meaning and Mind. Vol. 3 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays. Oxford: Blackwell, 1993.